

Бейсембаева С.Б.
**Приемы трансформации
кинесических элементов
в устную речь**

В лингвистических исследованиях последнего времени значительное место занимает изучение невербальных компонентов коммуникации разных народов, так называемых «факторов субъекта», т.е. выделение, подчеркивание с помощью различных движений и указаний говорящего – как ситуационные маркеры, так и ситуационные явления, например предметное окружение в момент говорения. Разговорная речь не может обойтись без кинесического компонента, который способствует снятию языковой избыточности и достижению однозначности высказывания. Учитывая участие жестов в диалогах в качестве самостоятельных реплик, исследователи признают богатейшие ресурсы жеста как чисто информативные, так и экспрессивные. В данной статье авторы рассматривают различные методы трансформации кинесических элементов в устную речь и приходят к выводу, что фразеологические обороты являются самой распространенной формой передачи жестов в тексте, а жесты в свою очередь помогают понять значение фразеологизмов. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи жестов и фразеологизмов.

Ключевые слова: кинесика, паралингвистика, коммуникация, кинесический комплекс, язык, речь.

Beisembaeva S.B.
**Ways of transformation of non-
verbal elements into oral speech**

In recent linguistic research has an important place to study nonverbal communication components of different nations, the so-called «factors of the subject,» ie, Highlight, underline through various movements and instructions of the speaker – as situational markers and situational phenomenon, for example, objective environment at the time of speaking. Speaking can not do without kinesicheskikh component that helps relieve linguistic redundancy and achieve uniqueness statements. Given the involvement of gestures in dialogues as separate cues, the researchers recognize the rich resources of gesture as purely informative and expressive. In this article the authors examine the various methods of transformation kinesicheskikh elements in the spoken language and come to the conclusion that the turns of phrase are the most common form of transmission of gestures in the text, and gestures, in turn, help to understand the importance of phraseology. This is evidence of the close relationship of gestures and phraseology.

Key words: kinesics, paralinguistics, communication, kinesicheskikh complex language, speech.

Бейсембаева С.Б.
**Кинесикалық элементтердің
ауызша сөйлеудегі берілу
жолдары**

Соңғы жылдардағы лингвистикалық зерттеулерде әр түрлі халықтардың қарым-қатынасындағы «субъект факторлары» деп аталып жүрген бейвербалды компоненттерді, яғни сөйлеушінің ситуациялық маркерлерді де, сондай-ақ ситуациялық құбылыстарды, мысалы, сөйлеп тұрған сәттегі заттық ортаға әр түрлі қимыл-қозғалыстардың көмегімен көңіл аударту құралдарын зерттеу елеулі орын алады. Ауызекі тіл көпсөзділікке ұрындырмай, айтатын сөзінің бірімәнділігіне қол жеткізуге септігін тигізетін кинесикалық компонентсіз болмайды. Диалогтардағы ым мен ишараның жеке-дара сөздік мағынада қолданылуын ескере отырып зерттеушілер ым-ишараттың таза ақпараттық та, сонымен қатар экспрессивті де бай ресурстарын мойындайды. Бұл мақалада авторлар кинесикалық элементтердің ауызекі тілге ауысуының әр түрлі әдістерін қарастыра отырып, фразеологиялық орамдардың мәтіндегі ым-ишараттың берілуінің ең кең тараған тәсілі екендігін, ал ым-ишараттар өз кезегінде фразеологизмдердің мағынасын түсінуге көмектесетінін тұжырымдайды. Бұл ым-ишараттар мен фразеологизмдердің тығыз байланысын көрсетеді.

Түйін сөздер: кинесика, паралингвистика, арақатынас, бейвербалды кешен, тіл, сөйлеу.

**ПРИЕМЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ
КИНЕСИЧЕСКИХ
ЭЛЕМЕНТОВ
В УСТНУЮ РЕЧЬ**

Не прекращается дискуссия о том, что возникло прежде – звуковое словесное общение или общение жестами. По утверждению И.А. Бодуэна де Куртене: «мы также имеем право предполагать, что при первоначальном состоянии человеческой речи постоянно и одновременно действовали оба эти чувства человека, то есть зрение и слух; голосу помогала живая мимика, что и сейчас часто еще встречается как племенная черта или же как индивидуальная особенность» [1, 210]. Мы придерживаемся гипотетического мнения, что язык возник и развился из общения звукоинтонационными голосовыми сигналами, необходимо сочетавшимися с первоначально моторными движениями лица и остального тела. Этот синкретизм речи сохранился в значительной мере и до наших дней.

Коммуникативные кинесические средства наиболее активно используются в разговорной речи, где при наличии мимики и жестов в непосредственной связи с конкретной ситуацией, при большой экспрессивной силе интонаций формируются структурные типы предложений, в которых может отсутствовать словесное выражение каких-либо отдельных членов, ясных из контекста и ситуации. Употребляемая в условиях непринужденного общения и противопоставленная (в пределах литературного языка) кодифицированной книжной речи разговорная речь, как специфическая разновидность литературного языка, отличается от других его разновидностей относительной лексической бедностью, игнорированием синонимических возможностей литературного языка и употреблением самых обычных, самых распространенных, слишком общих по значению, а часто и не совсем точно раскрывающих суть сообщаемого слов и выражений. Поэтому разговорная речь не может обойтись без кинесического компонента, который способствует снятию языковой избыточности и достижению однозначности высказывания. Учитывая участие жестов в диалогах в качестве самостоятельных реплик, исследователи признают богатейшие ресурсы жеста как чисто информативные, так и экспрессивные. Кинесические компоненты речи употребимы как на уровне индивида с бедным словарем, так и на уровне оратора или талантливой актера, что подчеркивает их объективный характер.

По утверждению И.Н. Горелова, «интуитивное представление об ограниченном характере паралингвистического знака по

сравнению со знаком лингвистическим является ошибочным, поскольку параязык способен выполнять любую из определяемых языкознанием функций естественного языкового знака: социативную (контакто-устанавливающую), эмотивную, волюнтативную, коммуникативную, аппелятивную и репрезентативную» [2].

Более того, установлено, что для выполнения некоторых функций параязык более пригоден, чем язык, (сравнить: в обычном диалоге главное бремя фатической и конативной функции возлагается на кинетическую коммуникацию, что «позволяет в один и тот же отрезок времени передать большую информацию, в виду большей лаконичности жестов по сравнению с речевыми элементами» [3].

В обычной речевой обстановке, т.е. при условиях: пространственной близости собеседников, относительной тишины, способности говорить и слышать, знания ими слов языка, если это не противоречит каким-либо правилам, не ведет к неприятным последствиям, если нет никакой нужды скрывать мысли от рядом находящихся, применяется устное изложение мыслей. Кинетическая же речь применяется при наличии хотя бы одного из противоположных вышеназванным условий. Жестовая речь не звучит, жесты видны дальше, чем слышны слова, или же видны там, где не слышны слова, часто более наглядны, чем слова. Благодаря этим характеристикам кинесическая речь может функционировать там, где манифестация устной речи неэффективна или невозможна. Обычно при общении коммуникантов, если они находятся в пространственной близости, способны свободно говорить и слушать, знают достаточно язык общения, если коммуникативная ситуация позволяет свободно общаться (коммуниканты не находятся на собрании, совещании т.д.) применяется устное изложение мыслей. В случае отсутствия одного из названных условий, применяется кинесическая речь.

Указанные условия применения устной и кинесической речи часто сменяют друг друга или сосуществуют в одном и том же отрезке времени. Поэтому словесные и кинесические знаки переплетаются в повседневной практике речи.

Язык жестов может практически полностью перелagаться на устную речь. Любой жест или сочетание жестов может быть передано фонемно-интонационным способом. Жесты всегда выражают те мысли и чувства, которые можно обозначить и при помощи слов (словесных предложений). Так, сочетание жестов указания пальцем на человека и затем кручения пальцем

у виска можно передать словами «мына кісінің басы істемейді» (этот человек ненормальный). Большинство же образцов устной речи не может передаваться кинесическим языком. Такие примеры встречаются крайне редко. Например, фраза «мен келіспеймін» (я не согласен) довольно точно передается последовательно произведенными жестами указания в грудь, на себя и отрицательным мотанием головой из стороны в сторону. Но в связи с малым объемом кинетического словаря и с крайней неразвитостью грамматической системы жестового языка, нельзя удовлетворительно передать общепонятными жестами множество фраз с отвлеченными терминами и абстрактными понятиями типа «мен философ болғым келеді» (я мечтаю стать философом).

Наблюдения за различными актами поведения приводят к выводам, что при непосредственном контакте коммуникантов, т.е. при диалоге нет необходимости в передаче жестов словами. В данной ситуации информация может свободно кодироваться кинесическими знаками. Передача жестов словами производится в том случае, когда нужно довести их до сведения других людей, не видевших их. То есть при более позднем пересказе для описания кинесических элементов используются определенные слова, словосочетания, обороты (ср. прямую речь с жестом:

«Қойшы, масқара» + жест «бет шымыцу»

и косвенную речь:

«Қойшы, масқара, – деп шешем «бетін шымыды»».

Устная речь при обычных жизненных обстоятельствах в кинетическую не трансформируется; лишь при незнании собеседником редкого слова его могут объяснить известным жестом (например, при непонимании фразы «ақмақ» можно постучать костяшками согнутых в кулак пальцев по голове).

Существует несколько типичных приемов трансформации кинесической речи в устную:

- 1) жест можно передать одной словесной единицей;
- 2) жест можно передать фразеологическим оборотом;
- 3) жест можно передать свободным словосочетанием.

В первом случае, когда жест передается одной словесной единицей, это может быть сло-

варная единица, которая специально предназначена для описания формы и значения жеста (*жымыю, адыраю, бақыраю*). Также это может быть неспециализированная единица, передающая лишь эквивалентный смысл жеста, но не описывающая его форму (слова: *Иә! Жоқ!* Ср. жесты «*бас изеу*», «*бас шайқау*»).

Во втором случае жест передается фразеологическим оборотом, который выработан для этого в качестве специализированной единицы устного способа коммуникации. Компоненты фразеологизма часто обозначают наиболее характерные движения тела, части тела, занятые активно или пассивно в образовании жеста. Например, в обороте «*бас ию*» компоненту «бас» соответствует часть тела голова, выступающая активным органом при производстве этой пантомимы, а компоненту «ию» – движение этой части тела вниз. Нечто подобное можно обнаружить и при анализе многих других оборотов и их кинесических двойников (*бас шайқау, шашын жаю*). Конечно, соответствие не всегда полное, абсолютное. Так, например, в обороте «*шаш сипар*» остается словесно неотраженным активный орган деятеля, в обороте «*қол бұлғау*» недостаточно четко указывается реальное движение этого органа. Поэтому нужно отметить, что такие фразеологизмы – обычно грубые лингвистические наброски жестов. Это приводит к недостаточно дифференцированному отражению последних. Так, жест «*қол бұлғау*», используемый при прощании и как жест, используемый для того, чтобы кого-то пригласить подойти, будучи разными по образованию, в устной речи передаются омонимичными оборотами.

В третьем случае жест передается свободным словосочетанием, члены которого более или менее полно обрисовывают возникающий кинесический комплекс и этим самым доводят до воспринимающего его семантику: «*Бұқар жырау атынан түсті. Мойнына белбеуін салып, бір тізерлей отырып, Алласына «ақсарбас» айтып, жалбарына бастады*» [4, 252].

Если сосчитать единицы звукового языка жестового происхождения, то их наберется несколько сот, что представляет собой внушительную цифру, на которую должны обратить внимание прежде всего фразеологи.

Нужно отметить, что основной формой передачи кинесических средств коммуникации в тексте является фразеологический оборот. То, что фразеологизм в языке может возникать на базе жеста, легко объяснимо. При переложении жестовой коммуникации в текст, мы должны

учитывать, что в текстовом описании жест должен опознаваться однозначно в связи с тем условным значением, которое он имеет, в связи с этим такое описание всегда стремится быть устойчивым, лексически закрепленным. Отвечает этим запросам соответственно фразеологический оборот, поскольку является устойчивым словосочетанием «*тұрақты тіркестер не фразеологиялық оралым дегеніміз кемінде екі сөздің тіркесуінен жасалған, мағынасы біртұтас, құрамы мен құрылымы тұрақты, даяр қалпында қолданылатын тілдік единица*» [5]. Примерами фразеологизмов в казахском языке могут стать, например, следующие словосочетания: *бір шыбықпен айдады, мұрнына су жетпеу, мұрындық болу, өзегі талу, ашықауыз, тиіп – қашты, ас та төк, төбесіне көтеру, құрдай жорғалау, т.б.*

Фразеологизмдер халықтың өмір – тіршілігімен, жалпы қоғаммен, тарихпен, сол халықтың материалдық және рухани мәдениетімен тығыз байланысты бейнелі оралымдар. Тіл – тілдің барлығында фразеологиялық бөлшектер сөздік құрамның күрделі, әсерлі, ерекше табиғатқа ие бөлігі [6]. Это говорит о том, что фразеологические обороты тесно взаимосвязаны с национальными традициями, коммуникативными особенностями, с национальным сознанием речевого коллектива.

Каждый жест имеет определенное устойчивое значение. Языковое значение фразеологического оборота, возникшего на основе определенного жеста бывает обычно тесно связано со значением жеста.

Если параллельно происходят изменения в употреблении жеста, и особенно если жест совсем перестает употребляться и забывается, то фразеологизм, отрываясь от текста, превращается в немотивированный.

Например, когда мы произносим фразеологизмы типа *ауыз жаласу, бетке басу, төбесіне көтеру, қолтыққа дым (су) бүрку, қол ұшын беру*, это не значит, что эти действия действительно происходят. Однако, внутренняя форма этих фразеологизмов дает основание подозревать, что когда-то такие жест существовали.

Таким образом, фразеологические обороты являются самой распространенной формой передачи жестов в тексте, а жесты в свою очередь помогают понять значение фразеологизмов. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи жестов и фразеологизмов.

Смены жестов характерны, как известно, для сферы выражения отношений социальной субординации и этикета. В современном казахс-

ком языке следы утраченных или утрачиваемых жестов этого рода сохраняются в фразеологизированных выражениях.

Таким образом, изменение в наборе жестов может влиять на возникновение в языке новых

фразеологизмов и на сохранение мотивированности значения некоторых фразеологизмов их внутренней формой. Так, например, в следствии заимствования жеста «қол соғу, шапалақтау» появился одноименный фразеологизм.

Литература

- 1 Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – 1963. – Т. 1. – С. 210-211.
- 2 Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Наука, 1980. – С. 104.
- 3 Гельгарт Р.Р. Рассуждение о диалогах и монологах / Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. – 1971. – Вып. 1. – С. 85.
- 4 Есенберлин И. Кочевники. – Алматы: Жазушы, 1976. – 450 б.
- 5 Аманжолов А.С., Курманбаева Ш.К. Турецко-казахский фразеологический словарь. – Алматы: Мектеп, 1999.
- 6 Агаев А.Г. Функция языка как этического признака. – М.: Наука, 1968.

References

- 1 Bodujen de Kurtene I.A. Izbrannyye trudy po obshhemu jazykoznaniju. – 1963. – Т. 1. – S. 210-211.
- 2 Gorelov I.N. Neverbal'nye komponenty kommunikacii. – М.: Nauka, 1980. – S. 104.
- 3 Gel'gart R.R. Rassuzhdenie o dialogah i monologah / Sbornik dokladov i soobshhenij lingvisticheskogo obshhestva. – 1971. – Вып. 1. – S. 85.
- 4 Esenberlin I. Kochevniki. – Almaty: Zhazushy, 1976. – 450 b.
- 5 Amanzholov A.S., Kurmanbaeva Sh.K. Turecko-kazahskij frazeologicheskij slovar'. – Almaty: Mektep, 1999.
- 6 Agaev A.G. Funkcija jazyka kak jeticheskogo priznaka. – М.: Nauka, 1968.